

М. ХАЙДЕГГЕР О ПОЭЗИИ БЫТИЯ И О БЫТИИ ПОЭЗИИ Ф. ГЁЛЬДЕРЛИНА

Аннотация. В статье автор исследует проблематику работы философа Мартина Хайдеггера с поэзией Фридриха Гёльдерлина. Предметом рассмотрения стало его толкование стихотворения «Германия». Исследовывая отдельное произведение Гёльдерлина, Хайдеггер ищет новые пути для интерпретации поэтических произведений в целом. Постижение собственно поэтического в поэзии и его отличие от непоэтического происходит как феноменологическая редукция сложившейся традиции толкования стихотворений. Вводимый Хайдеггером оригинальный метод феноменологической герменевтики с его новым понятийным аппаратом может быть интересен как философам, так и филологам. Проблемы фундаментальной онтологии, которые занимали Хайдеггера в период написания книги «Бытие и время», остаются актуальными для него и в период занятия проблемами языка и искусства. Хайдеггер исследует онтологические структуры поэзии. В поэзии Гёльдерлина, открывшегося божественному бытию, учреждается историческое бытие народа. Автор в статье проводит историко-философский анализ текстов Хайдеггера, рефлексируя над поднятыми философом проблемами герменевтики поэзии. Но автор не только эксплицирует суждения Хайдеггера. Применяя собственную философскую интуицию к анализу поднятых Хайдеггером проблем, автор представляет уже новое философское видение, которое есть расширение хайдеггеровских идей в мире. Автор внимательно подходит и к вопросу о том, когда и почему Хайдеггер выбирает творчество Гёльдерлина для постижения сущности поэзии, для открытия пространства поэзии. Хайдеггеру удалось войти в его пространство поэзии и распознать в нем божественный слог. Размышления Хайдеггера о поэзии Гёльдерлина в частности и о поэзии в целом стали новым словом в истории философской мысли.

Ключевые слова: Мартин Хайдеггер, Фридрих Гёльдерлин, стихотворение «Германия», пространство поэзии, бытие народа, бытие поэта, колебательный контур, язык бытия, кивок Бога, феноменологическая герменевтика.

Мартин Хайдеггер выбирает творчество Фридриха Гёльдерлина, чтобы понять, что есть сущность поэзии, ибо Гёльдерлин, будучи поэтом, размышлял как о предназначении поэзии, так и об ее онтологических основаниях. Гёльдерлин определил поэзию как место учреждения бытия. Как певец бытия Гёльдерлин стал для Хайдеггера не только «поэтом поэтов» (der Dichter des Dichters), ведь «поэзия и поэт являются единственной заботой его поэзии»¹, но и «самым немецким из немцев»², — подлинным поэтом немцев. Ведь поэтически раскрывается не

только бытие, но и сама сущность человека. В стихотворении «В чарующей голубизне» (“In lieblicher Bläue”) Гёльдерлин пишет:

Полный заслуг, но все же поэтически живет человек на земле. И богаче не покрывало ночи, усеянное звездами, если так можно сказать, а человек, который зовется божественной картиной³.

Свои первые лекции о Гёльдерлине Хайдеггер прочитал в зимнем семестре 1934-1935 гг. Данный курс лекций опубликован в 39 томе со-

¹ Heidegger Martin. Hölderlins Hymnen “Germanien” und “Der Rhein” / Gesamtausgabe. Band 39. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1980. S. 30.

² Trawny Peter. Martin Heidegger. Frankfurt [u.a.]: Campus-Verl., 2003. S. 131.

³ Hölderlin Friedrich. Sämtliche Werke / Gesamtausgabe. Band 2. Gedichte nach 1800; Hrsg. von Friedrich Beißner, Stuttgart: Cotta, 1953. (http://www.hs-augsburg.de/~harsch/germanica/Chronologie/19Jh/Hoelderlin/ho_0801.html (дата обращения: 05.05.2014)).

брания сочинений Мартина Хайдеггера под заглавием "Hölderlins Hymnen ‚Germanien‘ und ‚Der Rhein‘". В научной литературе нет единодушного мнения относительно точной даты обращения Хайдеггера к Гёльдерлину как важной для его философской мысли фигуре, пишет исследователь Аня Солбах (Anja Solbach) в параграфе «Поворот Хайдеггера к поэзии Гёльдерлина в круге мысли об истории бытия» в книге «Понимание бытия и миф». Споры среди исследователей относительно времени погружения Хайдеггера в творчество поэта разгораются из-за разногласий относительно таких тем, как возможная политическая вовлеченность Хайдеггера в национал-социализм, причины его отставки с поста ректора университета Фрайбурга, а также время начала его работы над проблемами онтологии искусства⁴.

Так, исследователь Херманн полагает, пишет Аня Солбах в примечании к данной дискуссии, что «в связи с тем, что эссе об искусстве в основных чертах сложилось уже в 1931/32 гг., обращение Хайдеггера к проблеме сущности искусства не является никаким романтическим отступлением к искусству»⁵. Исследователь Гроссман считает, что «Гёльдерлин стал решающей фигурой в философской судьбе Хайдеггера не только в 1934 г., то есть после неудавшегося ректорства, но уже в начале 1930-х гг. с прорывом в мышлении к 'событию' (Ereignis)». И добавляет, что «причиной этого он видит во влечении внутрь лекций о Гёльдерлине размышлений об искусстве»⁶.

Но такое почти единовременное протекание значимых событий, а именно, начало чтений лекций о Гёльдерлине в конце 1934 и уход в отставку с поста ректора университета Фрайбурга в апреле 1934 г., наводит на мысль об их неизбежной связи. Рюдигер Сафрански (Rüdiger Safranski) полагает, что Хайдеггер своим обращением к Гёльдерлину противопоставил себя национал-социализму, Гёльдерлин помог ему «в работе по

переосмыслению собственных религиозных и политических взглядов»⁷.

Хайдеггер думал о своей нации, о ее судьбе и об ожидаемом ее будущем, а Гёльдерлин давал ответы на волнующие его вопросы. Ответы были поэтически-божественными, и резко контрастировали с теми, которые давала нацистская партия. Судьба немецкого народа была одной из определяющих тем творчества поэта. Хайдеггеру в свете происходивших политических событий импонировала чистая любовь поэта к родине как священному месту.

«В то время, когда Хайдеггер увлекся Гёльдерлином, творческое наследие этого поэта переживало подлинный ренессанс», — пишет Рюдигер Сафрански⁸. Большой вклад в популяризацию поэта XIX века внес Норберт фон Хеллинграт (Norbert von Hellingsgrath) совместно с участниками кружка Стефана Геопре (Stefan George)⁹. Хеллинграт, издавший полное собрание сочинений Гёльдерлина, в своей речи «Гёльдерлин и германцы», произнесенной в Мюнхене в 1915 г., противопоставляет Гёльдерлина Гёте и полагает, что в Гёльдерлине открывается иная Германия, тайная Германия. Теодор Кисиль (Theodore Kiesel) в работе "The Siting of Hölderlin's 'Geheimnis Deutschland' in Heidegger's Poetizing of the Political" приводит его слова: «В то время как Гете широко известен в силу своего величия и яркого блеска, Гёльдерлин наилучший пример скрытого огня, тайного королевства»¹⁰.

Другим поклонником Гёльдерлина был Макс Коммерель (Max Kommerell), автор книги «Поэт как фюрер в немецкой классике...»¹¹. И конечно, большую роль в распространении света поэзии Гёльдерлина в ночи обмирщенного мира сыграл сам

⁴ Solbach Anja. Seinsverstehen und Mythos. Untersuchungen zur Dichtung des späten Hölderlin und zu Heideggers Deutung. Freiburg/München: Karl Alber, 2008. S. 132.

⁵ Аня Солбах (с. 132) ссылается на работу: Friedrich-Wilhelm von Herrman: Heideggers Philosophie der Kunst. Eine systematische Interpretation der Holzwege-Abhandlung "Der Ursprung des Kunstwerkes". Frankfurt a.M. 2. Aufgabe. 1994. S. 8.

⁶ Аня Солбах (с. 132) ссылается на работу: A. Grossmann: Spur zum Heiligen. S. 126f.

⁷ Сафрански Рюдигер. Хайдеггер: германский мастер и его время / Пер. с нем. Т.А. Баскаковой, при участии В.А. Брун-Цехового. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 380.

⁸ Там же. С. 380.

⁹ Более подробно о деятельности и ценностях кружка Геопре можно прочитать в статье: Михайловский А.В. Три принципа "политической теологии" в круге Штефана Геопре // Вопросы философии. 2013. № 5. С. 149–160.

¹⁰ Heidegger und der Nationalsozialismus II: Interpretationen / Hrsg. A. Denker und H. Zaborowski. Freiburg; München: Verlag Karl Alber, 2009. S. 152.

¹¹ Теодор Кисиль (с. 148) ссылается на работу: Max Kommerell. Der Dichter als Führer in der deutschen Klassik: Klopstock, Herder, Goethe, Schiller, Jean Paul, Hölderlin. Vittorio Klostermann, 1982. 493 s.

организатор «кружка» поэт Стефан Георге. Русский исследователь А.В. Михайловский приводит следующие размышления Георге о Гёльдерлине: «Гёльдерлин выступает не как образцовый поэт или певец “прекрасной жизни”, но как пророк, poeta vates, и вместе с тем — критик современной Германии и предтеча “будущих сынов солнца”, в чьих “робких” глазах живет столь ценная Георге “мечта”»¹². И эта мечта о божественном посреднике между богами и людьми.

Именно благодаря их усилиям состоялась судьбоносная встреча Хайдеггера с Гёльдерлином. И эта встреча состоялась еще в начале XX века. Аня Солбах пишет, что «публикация Норбертом Хелингатом произведений Пиндара в переводе Гёльдерлина в 1910 г. и первое издание им поздних гимнов в 1914 г. произвели на Хайдеггера в его годы студенчества перед первой мировой войной глубокое впечатление»¹³. В подтверждении она приводит цитату из его книги «По пути к языку» (Unterwegs zur Sprache): «их воздействие на нас студентов тогда было сопоставимо с землетрясением»¹⁴.

Однако в последующие годы, как отмечает исследователь, в работах Хайдеггера не обнаруживается значимых упоминаний о поэте. В лекции о Платоне «О сущности истины» (Vom Wesen der Wahrheit), прочитанной в зимнем семестре 1931/32 гг., в которой поэзия, делающая «сущее сущим», выдвигается в качестве изначального языка, были названы такие великие поэты, как Гомер, Вергилий, Данте, Шекспир и Гете, но не Гёльдерлин¹⁵. Датой окончательного поворота Хайдеггера к Гёльдерлину, таким образом, является 1934 г.

Позднее в манускрипте «Событие» (Das Ereignis) 1941 г., пишет в примечании Аня Солбах, Хайдеггер, осознавая свой перелом в мышлении, связанный с обращением к поэзии Гёльдерлина, скажет, что «слово Гёльдерлина стало его судьбой»¹⁶. Слово Гёльдерлина стало судьбоносным в его поисках бытия. Поэзия есть подлинный

способ мышления о бытие. И в поэзии Гёльдерлина, в которой это мышление состоялось, бытие открылось как отвергнутое и забытое людьми. Поэтому Гёльдерлин, открывая эпоху забвения бытия, призывает людей к восстановлению утраченной связи, к учреждению нового бытийного присутствия в мире.

* * *

Работу философа, как не удивительно, можно сравнить с работой земледельца. Прежде чем посадить новое дерево мысли, он должен тщательно подготовить почву, на которой это дерево сможет вырасти. Поэтому первые хайдеггеровские лекции, посвященные разъяснениям поэзии Гёльдерлина, есть не что иное, как подготовка почвы для желанного дерева — целого поэтической мысли Гёльдерлина.

Аналогичную мысль высказывает немецкий исследователь Гюнтер Фигаль: «Для позднего читателя первая лекция о Гёльдерлине представляется текстом, в котором наилучшим образом прослеживаются поиски Хадеггером нового направления, так как здесь, по истине, создается нечто новое. Решающий мотив лежит на виду, и он позволяет также распознать линии, по которым Хайдеггер будет следовать в дальнейшем»¹⁷.

Хайдеггер во вводных замечаниях к первому курсу лекций, посвященных анализу стихотворения «Германия», пишет о необходимости иного, нетрадиционного подхода к поэзии Гёльдерлина. Он ищет новое основание, он расчищает почву, он освобождается от исторических напластований. И он уходит в бесосновное, в пропасть (Abgrund), чтобы там в этой пропасти воздвигнуть новую основу, новую историю бытия. Хайдеггер пишет: «Если человек пытается подойти к Гёльдерлину исторически, то он обнаруживает, что работы Гёльдерлина преодевают историческое “время-пространство”, они уходят в неизмеримое вечное, и учреждают начало совершенно новой истории, которая загорается в борьбе за решение о прибытии или уходе богов»¹⁸.

Применяя метод поэтической этимологии, Хайдеггер в начале своей лекции различает значения слов “Anfang” и “Beginn”. Они не являются тож-

¹² Михайловский А.В. Три принципа “политической теологии” в круге Штефана Георге // Вопросы философии. 2013. № 5. С. 155.

¹³ Solbach Anja. Seinsverstehen und Mythos. Untersuchungen zur Dichtung des späten Hölderlin und zu Heideggers Deutung. Freiburg/München: Karl Alber, 2008. S. 133.

¹⁴ Ebd. S. 133.

¹⁵ Ebd. S. 133.

¹⁶ Аня Солбах (с. 133) ссылается на работу: Otto Poeggeler. Heidegger Begegnung mit Hölderlin. S. 15.

¹⁷ Figal Günter. Martin Heidegger zur Einführung. Hamburg: Junius, 2007. S. 131.

¹⁸ Heidegger Martin. Hölderlins Hymnen “Germanien” und “Der Rhein” / Gesamtausgabe. Band 39. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1980. S. 1.

дественными. Хайдеггер поясняет, что начинание (Beginn) — это то, с чем связано дальнейшее развитие, повышение, рост, а начало (Anfang) есть иначе исток, то есть то, из чего проистекает что-либо. Начинание исчезает в дальнейших событиях, начало остается всегда. Начало (Beginn) стихотворения расценивается Хайдеггером в качестве существенного элемента в поэтической структуре, но все же целью его разъяснений является обнаружение другого начала (Anfang) — подлинного истока поэзии.

Обращение Хайдеггера к Гёльдерлину стало учреждением «другого начала» (der andere Anfang) и в творчестве самого Хайдеггера. В интервью журналу «Шпигель» Хайдеггер, в частности, отмечает, что теперь его «мышление [...] неминусом связано с поэзией Гёльдерлина» и что Гёльдерлин является для него поэтом, который ведет в будущее¹⁹.

Петер Травни (Peter Trawny) сравнивает встречу Хайдеггера с Гёльдерлином с другим важным по значимости событием — с встречей Платона с Гомером²⁰. И он упоминает о Платоне не случайно. Если Платон заложил основы метафизического мышления, которое было противопоставлено поэтическому мышлению, то Хайдеггер своим поворотом от метафизики к изначальному мышлению, которое для него означало поэтическое мышление, вновь сблизил философию и поэзию.

Своей высочайшей вершины метафизическое мышление достигло при Гегеле, а своей завершающей стадии при Ницше. В XX веке не без участия философии мышление технизировалось до невиданных масштабов, весь мир стал одним большим поставом. Поэтому подлинное мышление, думающее о бытии, оказалось в забвении. Для возрождения подлинного мышления, для его преобразования (Verwandlung), Хайдеггер обращается к тому истоку, из которого оно снова может начаться. И этот исток для подлинно немецкого философского мышления Хайдеггер находит в поэзии Гёльдерлина.

Хайдеггер уже в первой лекции, посвященной его поэзии, называет его великим будущим мыс-

лителем и поэтом²¹. Как отмечает Манфред Ридель (Manfred Riedel), «поэтическое раскрытие его поэзии возможно осуществить только ведя с ним внутри его поэзии, в которой состоялось открытие бытия, философский диалог»²². И Хайдеггер обращается к Гёльдерлину как к равному и даже в чем-то превосходящему его собеседнику. Он прекрасно чувствует границу между поэзией и философией: «по истине, поэзия и мышление из глубины их сущности разделены тонким, но высвечивающимся из их собственной темноты различием»²³. И он пытается мыслить, не уничтожая эту границу, а, наоборот, выходя к ней и двигаясь по ней, как по путеводной нити подлинного мышления, думающего о бытии.

Толкование Хайдеггером поэзии Гёльдерлина поэтому есть диалог двух разных сторон, перенесенных в единую область мышления о бытии. Гёльдерлин — поэт, которому удалось, также как и Хайдеггеру, выйти за пределы узкой области мышления к той границе, которая соединяя, разделяет поэзию и философию. Сквозь эту границу, сквозь этот разрыв просвечивается сияние бытия.

Но Хайдеггер ищет границы и в самой поэтической сфере. Что есть подлинный поэтический почерк, а что есть лишь необходимый материал, на котором прорисовывается этот поэтический силуэт? Хайдеггер разрушает систему традиционного рассмотрения поэтических произведений, которая сложилась в западном литературоведении, но в то же время он не предлагает взамен установить анархизм в прочтении поэзии, но выстраивает новую методологию рассмотрения, которую мы можем условно определить как метод феноменологической герменевтики.

Следуя феноменологическому пути отыскания подлинных границ внутри поэтического, Хайдеггер не может не взять в скобки те общепринятые суждения, которые полагаются в качестве несомненных истин, но не могут быть должным образом верифицированы. Хайдеггер подвергает сомнению, например, истинность традиционного

¹⁹ Цит. по: “Voll Verdienst, doch dichterisch wohnt der Mensch auf dieser Erde”: Heidegger und Hölderlin / Martin-Heidegger-Gesellschaft e.V.; hrsg. von Peter Trawny. Frankfurt am Main: Klostermann, 2000. S. 9.

²⁰ “Voll Verdienst, doch dichterisch wohnt der Mensch auf dieser Erde”: Heidegger und Hölderlin / Martin-Heidegger-Gesellschaft e.V.; hrsg. von Peter Trawny. Frankfurt am Main: Klostermann, 2000. S. 8.

²¹ Heidegger Martin. Hölderlins Hymnen “Germanien” und “Der Rhein” / Gesamtausgabe. Band 39. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1980. S. 6.

²² “Voll Verdienst, doch dichterisch wohnt der Mensch auf dieser Erde”: Heidegger und Hölderlin / Martin-Heidegger-Gesellschaft e.V.; hrsg. von Peter Trawny. Frankfurt am Main: Klostermann, 2000. S. 33.

²³ Heidegger Martin. Unterwegs zur Sprache / Gesamtausgabe. Band 12. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1985. S. 196.

деления художественного произведения на содержание (Inhalt) и форму (Form), которое «смотрится как абсолютное, вневременное определение, но все-таки оно полностью греческое и принадлежит только греческому здесь-бытию (Dasein), а потому вызывает сомнения»²⁴.

На проблеме противопоставления Хайдеггером собственного философского метода общепринятой методологии рассмотрения художественных произведений останавливается подробно исследователь Беда Алеманн. Он отмечает, что между филологическими интерпретациями и хайдеггеровскими герменевтическими разъяснениями (Erläuterungen), как между наукой и подлинной мыслью, лежит пропасть (Abgrund)²⁵. И над этой пропастью нет моста. Перейти от науки к подлинной мысли можно только совершив прыжок (Sprung). И этот прыжок совершается как перенесение себя в совершенно другую местность (Ortschaft)²⁶. И здесь снова уместно сравнение Хайдеггера с Платоном, который также полагал необходимым совершение радикального поворота в мышлении, для того чтобы вместе теней увидеть подлинные вещи — идеи.

Анализируя стихотворение «Германия», Хайдеггер, исходя из вызывающей сомнения методологии рассмотрения, принятой в науках о литературе (Literaturwissenschaft), впадает в тупик от того, можно ли отнести данное стихотворение к поэзии, если в нем отсутствуют метр и ритм, которые являются необходимыми составляющими поэтической формы. С точки зрения содержания стихотворение кажется чистой поэзией, ведь оно наполнено поэтическими образами: «посланник бога в образа орла, Германия в образе мечтательного ребенка»²⁷. Но является ли образность достаточным условием поэтичности?

Хайдеггер обращается к рассмотрению мирозерцания Гёльдерлина, чтобы понять, что есть образность в данном случае. Ключевые слова для определения общего мирозерцания поэта заключены, по

видению Хайдеггера, в последних строчках стихотворения, и они звучат следующим образом:

*Germania, wo du Priesterin bist
Und wehrlos Rath giebst rings
Den Königen und den Völkern.
Германия, где ты являешься жрицей
И беззащитно даешь советы мира всем
Королям и народам.*

Хайдеггер называет Гёльдерлина пацифистом, который «вступает за беззащитность Германии»²⁸. Беззащитность Германии и беззащитность самого Гёльдерлина — единение Dasein поэта с Dasein народа в поэзии. Осознание Гёльдерлином собственной жизни как беззащитной усугублялось вследствие ощущения слабости и беззащитности Германии. Но и осознание беззащитности Германии происходило из осознания слабости и беззащитности собственной жизни. Поэтому, возможно, что именно это единение Dasein поэта с Dasein народа является ключом к пониманию поэтичности произведения, благодаря которой только и возможна сама образность, тогда как образность сама по себе не создает поэзию.

И тогда единение Dasein поэта и Dasein народа происходит не как слияние, но как открытие. В поэзии Dasein народа открывается, приходит к своей подлинной возможности, ибо самой сущностью места является открытость²⁹. И эта открытость с одной стороны негативная, ибо она мыслится как противоположность сокрытости, и потому может рассматриваться как инструмент различения истинного порядка вещей. Но с другой стороны, эта открытость положительная, ибо она есть открытость другому, божественному бытию. В поэзии Dasein народа открывается божественному бытию.

Хайдеггер приводит отрывок из романа Гёльдерлина «Гиперион», в котором он говорит об искусстве как первом порождении божественной красоты, в которой эта божественная красота остается вечно молодой³⁰, и о религии как втором по-

²⁴ Heidegger Martin. Hölderlins Hymnen "Germanien" und "Der Rhein" / Gesamtausgabe. Band 39. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1980. S. 15.

²⁵ Allemann Beda. Hölderlin und Heidegger. Zürich; Freiburg im Breisgau: Atlantis-Verl., 1956. S. 189.

²⁶ Ebd. S. 190.

²⁷ Heidegger Martin. Hölderlins Hymnen "Germanien" und "Der Rhein" / Gesamtausgabe. Band 39. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1980. S. 16.

²⁸ Ebd. S. 17.

²⁹ О понимании Хайдеггером места в искусстве смотрите работу М. Хайдеггера «Искусство и пространство» (Die Kunst und der Raum): Heidegger M. Aus der Erfahrung des Denkens. Gesamtausgabe. Band 13. Frankfurt am Main, 1983.

³⁰ Heidegger Martin. Hölderlins Hymnen "Germanien" und "Der Rhein" / Gesamtausgabe. Band 39. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1980. S. 20.

рождении божественной красоты, определяя ее сущность как любовь к красоте³¹. А в следующем высказывании Гёльдерлин выразительно говорит о божественной силе поэзии: «Как Минерва выходит из головы Юпитера, так и бесконечное божественное бытие проистекает из поэзии»³².

Но для того, чтобы суметь слиться с этим бесконечно божественным бытием, которое проистекает из поэзии, достаточно ли просто прочесть стихотворение и понять его смысл? Нет, поэзия нас должна захватить и унести в свое пространство. Наше здесь-бытие (Dasein) должно стать поэтическим. На важности данной целевой установки Хайдеггера останавливается и исследователь Джордж Паттисон, когда он пишет, что «ведь одно дело прочитать стихотворение и ознакомиться с ним как с литературным произведением, и, опять же, другое дело — пребывать в сфере поэзии»³³.

Хайдеггер открывает поэзию не как некий внешний предмет, на который мы смогли бы смотреть со стороны, но как область бытия, в которой мы смогли бы экзистировать, то есть выходить за пределы своего обыденного и обособленного существования к подлинному бытию, которое, как разрыв во времени, есть из ряда выходящее событие — событие поэтического присутствия в мире (Ereignis). Но обладает ли поэзия Гёльдерлина такой мощью, вопрошает Хайдеггер, чтобы одной только своей силой суметь нас перенести в эту область бытия³⁴? Для того чтобы поэзия смогла нас унести и удержать в этой открытости, размышляет Хайдеггер, мы должны приложить немалые усилия по освобождению нашего бытия от повседневных привычек и установок. Освобождение может совершиться только благодаря внутренней борьбе. «Борьба за поэзию в стихотворение есть борьба с нами самими»³⁵. Это борьба за освобождение пространства поэзии (Raum der Dichtung) в пространстве нашего бытия.

Пространство поэзии открывается тогда, когда оттеняется то, что не принадлежит ее сущности

и высвечивается то, что непосредственно отражает ее облик. Так, Хайдеггер оттеняет устоявшиеся представления о поэзии как прекрасном языковом построении, как выражении чувственных переживаний, как определенном психическом процессе³⁶. И путем этимологического анализа таких слов, как dichten, “tihtōn”, “dictare”, dicere, poetisch, ποιεῖν, ποιήσις, δέικνυσι, он приходит к выводу, что «поэтизировать есть говорить способом определенного раскрытия»³⁷.

Поэзия раскрывает, она держит открытость бытия, тогда как метафизика, согласно Хайдеггеру, не только не может приблизиться к бытию, но и дальше отстраняет его от нас. Но для возможности постижения бытия в поэзии поэту необходимо выйти за пределы своего существования, которое может претендовать только на частное, а потому разделенное восприятие, в саму открытость бытия, в которой не человек захватывает истину, но истина сама захватывает человека и переносит его в божественное бытие.

В этой открытости бытия истина речет на языке богов, который поэт должен по возможности в наиболее непосредственном виде передать своему народу. Хайдеггер пишет: «Гром и молнии — это язык богов, а поэт — тот, чья задача стойко перенести этот язык, подхватить его и привнести в здесь-бытие (Dasein) народа»³⁸. Поэт присутствует в мире как посредник между богами и людьми. Но его особое положение в мире в то же время является и наиболее опасным, ибо он должен «стоять под божественными грозами с непокрытой головой беззащитно...»³⁹, он должен стоять «беззащитно под воздействием превосходящей силы бытия»⁴⁰. Только так он сможет постигнуть божественные знаки, только так он сможет распознать божественный язык, ибо только так слагается подлинная поэзия и учреждается подлинное бытие народа.

Поэт — тот, кто способен выходить в открытые просторы бытия и сохранять эту открытость в языке. В эту открытость, в подлинное пространство поэзии (Raum der Dichtung), может войти каждый, кто готов к подлинной поэтической экзистен-

³¹ Ebd. S. 21.

³² Ebd. S. 21.

³³ Pattison George. The later Heidegger. London: Routledge, 2000. P. 169.

³⁴ Heidegger Martin. Hölderlins Hymnen “Germanien” und “Der Rhein” / Gesamtausgabe. Band 39. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1980. S. 20.

³⁵ Ebd. S. 22.

³⁶ Ebd. S. 28.

³⁷ Ebd. S. 30.

³⁸ Ebd. S. 31.

³⁹ Ebd. S. 30.

⁴⁰ Ebd. S. 31.

ции, но войти в нее и удержаться в ней не просто. И Хайдеггер смог войти в эту открытость, в подлинное пространство поэзии, но путь, который он прошел, был долог и непрост.

* * *

Анализ стихотворения «Германия» Хайдеггер начинает с самого простого и очевидного, а именно, с рассмотрения лексического строения стихотворения, чтобы выветив его структуру, обнаружить тот механизм, который держит эту структуру в определенном единстве и не дает ей распасться. Так, Хайдеггер выделяет в тексте три главные лексические составляющие. Во-первых, это фактологические слова, содержание значения которых недвусмысленно и соответствует прямой связи в системе означающего и означаемого. Во-вторых, это образные слова и выражения, «образы» (Bilder)⁴¹, которые представляют те или иные вещи мира не непосредственно, но посредством уподобления с другими вещами мира, отмечая тем самым существенные свойства представляемого предмета. Например, в выражении «цветение уст» (die Blume des Mundes)⁴² использовано сравнение нашей способности речения с природной способностью цветения, что может означать, к примеру, то, что наша речь может быть также прекрасна, как прекрасен цветок. И, в-третьих, это «своеобразные последовательности слов» (eigentümliche Wortfolgen)⁴³, которые неразрывно связаны друг с другом единым образным ими смыслом.

За всеми этими структурными элементами Хайдеггер обнаруживает главный механизм любого подлинно поэтического произведения — Schwingungsgefüge, — благодаря которому это произведение и получает определенный поэтический смысл. Мы будем переводить Schwingungsgefüge как «колебательный контур», заимствуя данный термин из физики как наиболее соответствующий сути немецкого слова применительно к области поэзии. Но стоит отметить, что в русском языке, как и в английском, нет точного эквивалентного слова для данного немецкого слова, который Хайдеггер использует для раскрытия природы поэтического творения.

⁴¹ Ebd. S. 14.

⁴² Ebd. S. 14.

⁴³ Ebd. S. 14.

Уильям Макнил для понимания данного слова английскими читателями в примечании к данному слову дает следующие толкования: «Schwingung образовано от глагола schwingen, которое Хайдеггер в работе от 1928 г. «Метафизические основания логики» (GA 26) использует для описания «подвижности» (Bewegtheit) или экстатического смещения временности, и означает качаться, вибрировать или резонировать; Gefüge подразумевает структуру, но в данном случае не в смысле жесткого каркаса, но соединенной артикуляции или конфигурации»⁴⁴. Также он отмечает, что «в лекциях 1934-35 гг. Хайдеггер придает слову Schwingungsgefüge значение чего-то похожего на всеобъемлющий резонанс, который настраивает заранее на соответствующую поэтическую выразительность и выбор слов»⁴⁵.

Колебательный контур лежит в основе любого поэтического произведения. Его вибрации гармонизируют поэтическое целое. Хайдеггер определяет «колебательный контур сказа в качестве истока для выбора и расстановки слов»⁴⁶. Колебательный контур поэзии возникает раньше, чем сам язык поэзии, ибо последнее только и возникает на его основе. Колебательный контур, являясь истоком для поэтического сказа, в то же время не является чем-то изначальным, то есть самим по себе возникшим. Причиной возникновения колебательного контура является «основное настроение» (Grundstimmung) поэзии⁴⁷, которое в свою очередь также не является чем-то безосновным. Хайдеггер пишет, что «основное настроение вырастает из соответствующего метафизического места соответствующей поэзии»⁴⁸.

В ходе своего продвижения вглубь стихотворения, в само пространство поэзии, в котором божественное присутствие становится как никогда наиболее близким, Хайдеггер полнее постигает значение колебательного контура. Значение Schwingungsgefüge тесно связано со значением дру-

⁴⁴ McNeill William. The Time of Life: Heidegger and Ethos. SUNY Press, 2012. P. 207.

⁴⁵ Ebd. P. 207.

⁴⁶ Heidegger Martin. Hölderlins Hymnen "Germanien" und "Der Rhein" / Gesamtausgabe. Band 39. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1980. S. 14.

⁴⁷ Ebd. S. 15.

⁴⁸ Ebd. S. 15.

гого важного слова в хайдеггеровской герменевтике поэзии — *winken*. И, может, *Winken*, которое переводится как «кивание», есть иначе «колебание» (*Schwingen*)?

“*Dichten als Aufnehmen der Winke der Götter und Weiterwinken in das Volk*”, — определяет Хайдеггер сущность поэтизации⁴⁹. Бог присутствует в стихотворении тем способом, каким он дает о себе знать в мире. Бог открывается людям, делая знаки, подмигивая, кивая (*winken*). Тот, кто способен распознать божественные знаки, уловить божественные сигналы и есть поэт. Бог, делая знаки, указывает путь. Задача поэта — повести народ по пути, указанному Богом.

Рассматривая *Winken* Бога в качестве языка, на котором он говорит с поэтом, Хайдеггер определяет «поэзию как закутанное в слово кивание»⁵⁰. Сочинение поэтом стихотворения есть, следовательно, воспроизведение божественного языка. Цель поэзии — «перенесение *Dasein* народа в область божественного речения»⁵¹ или просто кивания.

В качестве эпиграфа к рассматриваемым нами лекциям, посвященным стихотворению «Германия», Хайдеггер неслучайно берет последнюю строку из стихотворения Гёльдерлина «Воспоминание»: «остается (в смысле пребывает в веках) то, что учреждают поэты»⁵². То на себя указывающее колебание Бога, которое передается поэту и как божественный знак оставляет след в его душе, есть подлинный исток поэзии. Божественный след в душе поэта есть начало (*Anfang*) поэтического речения, и он есть то, что остается в веках.

«Поэт есть основатель бытия», — пишет Хайдеггер⁵³. Учреждение бытия в историческом присутствии народа происходит благодаря тому, что поэт встраивает божественное речение, которое иначе есть кивание или колебание, в «фундаментную стену языка народа»⁵⁴. Сначала поэт выдерживает

речение богов, затем переносит это речение в язык, создавая творение поэтического искусства, и, объединяя людей вокруг своего творения, распространяет это речение в мир, тем самым учреждая бытие народа.

Открывая истинный исток поэзии, Хайдеггер отделяет подлинную поэзию от поэзии, которая лишь кажется таковой. Он также критически подходит к повседневным представлениям о поэзии. В рутине повседневности, приводит Хайдеггер слова Гёльдерлина, поэзия представляется детской забавой, «невиннейшим из всех занятий»⁵⁵. Но такое представление о поэзии не только не затрагивает ее сущности, но еще дальше нас отдалает от нее, ибо в таком представлении мы закрываем себя для того бытия, которое только и может открыться через поэзию.

Хайдеггер сравнивает повседневные представления о поэзии с долиной, а саму поэзию с горой. Повседневное плоское отношение к поэзии не позволяет подняться ввысь, в которой только и сбывается истина поэзии. И все же, полагает Хайдеггер, мы не можем отбросить обыденные представления о поэзии, ибо они та видимость, которая скрывая, хранит ее подлинное бытие. Жизнь и творчество Гёльдерлина «высветили этот разрыв между видимостью и подлинностью в наиболее выпуклом виде»⁵⁶, показав силу напряжения между ними, но не в том смысле, что поэзия Гёльдерлина была двойственна по своей сути, а в том, что его поэзия, сказывающая о бытии, была чужда той поэзии видимости, которая наиболее легка, а потому наиболее распространена среди поэтов. «В силу того, что эта видимость и это бытие идут рука об руку, по видимости, существует очень много поэтов, но по истине, совсем немного», — пишет Хайдеггер⁵⁷.

Хайдеггер выводит поэзию из круга человеческих дел, которыми человек занимается в силу необходимости и за которые он получает то или иное вознаграждение, в иную сферу, сферу свободы, в которой поэзия уже не мыслится в категориях максимального успеха, но в категориях максимальной открытости бытию, как тому неизвестному, что противостоит всему известному и исчислимому мирской жизни. «Поэзия — это не

⁴⁹ Heidegger Martin. Hölderlins Hymnen “Germanien” und “Der Rhein” / Gesamtausgabe. Band 39. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1980. S. 31.

⁵⁰ Ebd. S. 32.

⁵¹ Ebd. S. 32.

⁵² Хайдеггеровская вариация на тему “*vita brevis ars longa*”.

⁵³ Heidegger Martin. Hölderlins Hymnen “Germanien” und “Der Rhein” / Gesamtausgabe. Band 39. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1980. S. 33.

⁵⁴ Ebd. S. 33.

⁵⁵ Ebd. S. 33.

⁵⁶ Ebd. S. 35.

⁵⁷ Ebd. S. 35.

заработок (заслуга), но послушность бытию»⁵⁸. Dasein поэта — это просвет в круге человеческого бытия, это разрыв. Исследователь Онэтто-Мунос Брено отмечает, что зияние (Kluft), в который встроено Dasein поэта, «совпадает с тем, что мы уже отметили как разлом (Bruch) между значимостью и незначимостью мира, как спор между сокрытостью (Verbergen) и несокрытостью в бытие истины»⁵⁹.

Бытие держит поэта в своей открытости. Бытие воздействует на поэта, оно владеет им. Человек, иначе, есть «инструмент бытия»⁶⁰, и он является этим инструментом благодаря языку. Хайдеггер делает важное открытие: «язык не есть просто средство, которым наряду с другими средствами человек владеет, но язык сам владеет человеком»⁶¹. Поэтому в подлинной поэзии речет не поэт, но язык бытия. Подлинная поэзия есть «речение из языка»⁶².

Хайдеггер в своем исследовании противопоставляет статичной языковой структуре поэтическую динамику. Речение языка в стихотворение — это «вихрь» (Wirbel). Движение вихря, его повороты, места усиления и успокоения можно проследить по началам и концовкам строф. И когда мы пытаемся проникнуть в стихотворение, то мы должны прийти именно до этого вихря, который только и может нас захватить и унести в область божественного речения.

Поэзия может нас захватить, только если мы сами готовы к такому захвату. Хайдеггер ставит вопрос о «чтойности» и «ктойности» нашего существования⁶³. Профессиональные занятия, социальные роли определяют нашу чтойность. Кто мы есть по истине, какого наше Dasein, мы можем познать, только вырвавшись из повседневности в пространство мысли и поэзии. Мы должны стать участниками поэзии. Мы должны стать поэтами или слушателями, но так или иначе, мы должны

стать участниками разговора. В разговоре, ведомом на языке народа, собирается Dasein народа.

Благодаря участию в качестве слушателей в событии поэзии мы можем вырваться из повседневности и перенестись в ту область бытия, в которой наше существо может прийти в несокрытость, и мы можем подлинно познать самих себя. И мы подлинно можем познать именно исток нашего бытия, которому и принадлежит наша сущность. Через поэзию Гёльдерлина немец может познать свое единство с немецким народом, с его временем исторического присутствия. Время исторического присутствия немецкого народа имеет, как и другие народы, свою вершину, на которой бытие народа приходит к своей подлинной возможности и оно реализует эту возможность — возможность собраться в событии собственной истины. Истина, согласно Хайдеггеру, совершается как снятие сокрытости, как выход из забвения. Поэтому событие истины немецкого народа должно произойти как воспоминание о своей подлинной духовной сущности благодаря встрече с богом, но не напрямую, а посредством тех поэтов и творцов, которые непосредственно стоят под божественными лучами.

* * *

Опыт интерпретации поэзии Фридриха Гёльдерлина позволил философу XX века Мартину Хайдеггеру выработать собственное понимание поэзии, собственную методологию работы с поэтическими произведениями, которая является уникальной и неповторимой, ибо в ней раскрылась вся мощь его философского мышления. Соединение гениальной философской мысли Хайдеггера с не менее гениальной поэтической интуицией Гёльдерлина стало одним из наиболее значимых событий в истории гуманитарной мысли XX века.

⁵⁸ Ebd. S. 35.

⁵⁹ Onetto-Munoz Breno. *Überschritt ins Unumgängliche: Heideggers dichterische Wende jenseits der Metaphysik*. Frankfurt am Main: Lang, 1997. S. 151.

⁶⁰ Heidegger Martin. *Hölderlins Hymnen "Germanien" und "Der Rhein" / Gesamtausgabe. Band 39*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1980. S. 61.

⁶¹ Ebd. S. 67.

⁶² Ebd. S. 43.

⁶³ Ebd. S. 57.

Список литературы:

1. Михайловский А.В. Три принципа “политической теологии” в круге Штефана Георге // Вопросы философии. 2013. № 5. С. 149–160.
2. Сафрански Рюдигер. Хайдеггер: германский мастер и его время / Пер. с нем. Т.А. Баскаковой, при участии В.А. Брун-Цехового. М.: Молодая гвардия, 2005. 631 с.
3. Allemann Beda. Hölderlin und Heidegger. Zürich; Freiburg im Breisgau: Atlantis-Verl., 1956. 224 s.
4. Figal Günter. Martin Heidegger zur Einführung. Hamburg: Junius, 2007. 184 s.
5. Heidegger Martin. Aus der Erfahrung des Denkens / Gesamtausgabe. Band 13. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1983. 255 s.
6. Heidegger Martin. Hölderlins Hymnen “Germanien” und “Der Rhein” / Gesamtausgabe. Band 39. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1980. 296 s.
7. Heidegger Martin. Unterwegs zur Sprache / Gesamtausgabe. Band 12. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1985. 262 s.
8. Heidegger und der Nationalsozialismus II: Interpretationen / Hrsg. A. Denker und H. Zaborowski. Freiburg; München: Verlag Karl Alber, 2009. 473 s.
9. Hölderlin Friedrich. Sämtliche Werke / Gesamtausgabe. Band 2. Gedichte nach 1800; Hrsg. von Friedrich Beißner, Stuttgart: Cotta, 1953. (http://www.hs-augsburg.de/~harsch/germanica/Chronologie/19Jh/Hoelderlin/ho_0801.html (дата обращения: 05.05.2014)).
10. McNeill William. The Time of Life: Heidegger and Ethos. SUNY Press, 2012. 248 p.
11. Onetto-Munoz Breno. Überschritt ins Unumgängliche: Heideggers dichterische Wende jenseits der Metaphysik. Frankfurt am Main: Lang, 1997. 227 s.
12. Pattison George. The later Heidegger. London: Routledge, 2000. 230 p.
13. Solbach Anja. Seinsverstehen und Mythos. Untersuchungen zur Dichtung des späten Hölderlin und zu Heideggers Deutung. Freiburg/München: Karl Alber, 2008. 288 s.
14. Trawny Peter. Martin Heidegger. Frankfurt [u.a.]: Campus-Verl., 2003. 191 s.
15. “Voll Verdienst, doch dichterisch wohnt der Mensch auf dieser Erde”: Heidegger und Hölderlin / Martin-Heidegger-Gesellschaft e.V.; hrsg. von Peter Trawny. Frankfurt am Main: Klostermann, 2000. 235 s.

References (transliteration):

1. Mikhailovskii A.V. Tri printsipa “politicheskoi teologii” v krughe Shtefana George // Voprosy filosofii. 2013. № 5. S. 149–160.
2. Safranski Ryudiger. Khaidegger: germanskii master i ego vremya / Per. s nem. T.A. Baskakovoi pri uchastii V.A. Brun-Tsekhovogo. M.: Molodaya gvardiya, 2005. 631 s.
3. Allemann Beda. Hölderlin und Heidegger. Zürich; Freiburg im Breisgau: Atlantis-Verl., 1956. 224 s.
4. Figal Günter. Martin Heidegger zur Einführung. Hamburg: Junius, 2007. 184 s.
5. Heidegger Martin. Aus der Erfahrung des Denkens / Gesamtausgabe. Band 13. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1983. 255 s.
6. Heidegger Martin. Hölderlins Hymnen “Germanien” und “Der Rhein” / Gesamtausgabe. Band 39. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1980. 296 s.
7. Heidegger Martin. Unterwegs zur Sprache / Gesamtausgabe. Band 12. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1985. 262 s.
8. Heidegger und der Nationalsozialismus II: Interpretationen / Hrsg. A. Denker und H. Zaborowski. Freiburg; München: Verlag Karl Alber, 2009. 473 s.
9. Hölderlin Friedrich. Sämtliche Werke / Gesamtausgabe. Band 2. Gedichte nach 1800; Hrsg. von Friedrich Beißner, Stuttgart: Cotta, 1953. (http://www.hs-augsburg.de/~harsch/germanica/Chronologie/19Jh/Hoelderlin/ho_0801.html (дата обращения: 05.05.2014)).
10. McNeill William. The Time of Life: Heidegger and Ethos. SUNY Press, 2012. 248 p.
11. Onetto-Munoz Breno. Überschritt ins Unumgängliche: Heideggers dichterische Wende jenseits der Metaphysik. Frankfurt am Main: Lang, 1997. 227 s.
12. Pattison George. The later Heidegger. London: Routledge, 2000. 230 p.
13. Solbach Anja. Seinsverstehen und Mythos. Untersuchungen zur Dichtung des späten Hölderlin und zu Heideggers Deutung. Freiburg/München: Karl Alber, 2008. 288 s.
14. Trawny Peter. Martin Heidegger. Frankfurt [u.a.]: Campus-Verl., 2003. 191 s.
15. “Voll Verdienst, doch dichterisch wohnt der Mensch auf dieser Erde”: Heidegger und Hölderlin / Martin-Heidegger-Gesellschaft e.V.; hrsg. von Peter Trawny. Frankfurt am Main: Klostermann, 2000. 235 s.